

Философия. Социальная философия

УДК 1(091) + 003

К.Д. Скрипник

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ДЖ. ЛОККА: ИНТЕРПРЕТАЦИИ, КОММЕНТАРИИ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Хотя традиционно понятие лингвистического поворота в философии связывается с аналитической традицией, взгляды Дж. Локка на природу, роль и функции языка также могут расцениваться как лингвистический поворот. Философия языка, изложенная в «Опыте о человеческом разумении», неоднократно была предметом исследований, результаты которых нередко противоречили друг другу. В статье рассматривается ряд интерпретаций философии языка Дж. Локка, понимаемой в первую очередь как теория сигнификации. Стандартной интерпретацией его теории сигнификации является ее понимание как теории лингвистического значения. Такая точка зрения не единственная. Автор статьи полагает, что семиотический подход к пониманию термина *сигнификация* является опорным и более адекватным. Подобный подход подкрепляется предложенным анализом связи теории Дж. Локка с предшествующей семиотической традицией от античности до второй схоластики. Семиотическая интерпретация основывается на том, что Дж. Локк утверждал, что *σημωτιχή* является третьей «великой областью интеллектуального мира». Семиотические исследования Дж. Локка свидетельствуют о непрерывности развития философии и отсутствии «провала» между философией нового времени и предшествующей традицией.

Ключевые слова: Дж. Локк, семиотика, философия языка, теория сигнификации, история семиотических идей.

К одному из самых устойчивых положений истории современной философии относится точка зрения, согласно которой в конце XIX – начале и первой половине XX века в западной философии был осуществлен «лингвистический поворот», связанный с особым вниманием к роли языка в решении философских проблем. Принято считать, что «поворот» был реализован в первую очередь в картине аналитической философии и формированием той специфической предметной области исследований, которую называют философией языка.

Понятие «лингвистический поворот», как известно, введено Густавом Бергманом в 1960 г. в его обзоре работы П. Стросона «Индивиды» и повторено в статье, посвященной Л. Витгенштейну, в 1961 г. и статье с обзором мнения Э. Стениуса по поводу «Логико-философского трактата» в 1963 г. [1]. Лингвистический поворот характеризовался Бергманом как определенного сорта «методологический гамбит», заключающийся в том, чтобы говорить о мире на приемлемом, подходящем языке. Рассматривались две группы философов, использовавшие данный методологический прием – «философы обыденного языка», рассматривающие язык, на котором люди общаются, и «философы идеального языка», ставящие целью разработку такого языка, инструментальная роль которого выходит на первый план. Примерами служили работы Д. Остина и работы и идеи Р. Карнапа, соответственно. Диагноз Г. Бергмана нельзя считать удачным, равно как и указанные им образцы, поскольку изучение обыденного языка можно в этом случае свести к психологическому и сугубо лингвистическому анализу, а отнюдь не к философскому исследованию того, как такой язык говорит о мире; что же касается второго примера, то Р. Карнап и не ставил цели разработать искусственный язык (исчисление), предназначенный для онтологических целей. Иными словами, если и говорить о «лингвистическом повороте» в философии, то отнюдь не руководствуясь симптомами и диагнозом Г. Бергмана.

Понятие «лингвистического поворота» вновь появляется у Р. Рорти в изданном им в 1967 г. (вновь изданном с дополнениями в 1992 г.) сборнике под одноименным названием [2]. Сохранив две бергмановские линии лингвистического поворота, Р. Рорти отказался следовать за ним далее, понимая, что характеристики Г. Бергмана весьма далеки от адекватного воспроизведения сложившейся ситуации, тем более – от совершенства характеристик лингвистического поворота. Р. Рорти характеризует сложившуюся к тому времени ситуацию с лингвистической философией как «самую современную философскую революцию», связанную с тем, что философские проблемы могут быть разрешены либо с помощью реформирования языка, на котором эти проблемы формулируются, либо с помощью более глубокого и точного понимания используемого языка. Ясно, помимо определения двух

возможных тенденций в методе философского исследования, стало и другое: данные методы в той или иной степени опираются на тот тезис, что философские проблемы лежат в ведущих к искажению или вообще неадекватных формах естественных языков.

Лингвистический поворот является одной из фаз развития аналитической философии, как изменение направления этого развития. Среди философов, внесших несомненный вклад в это изменение, в первую очередь назовем Г. Фреге, для которого создание его логической системы как нового языка логики, было открытием идеального языка для логических целей, особенно – для теории доказательства. Однако вряд ли можно говорить о Г. Фреге как об отце-основателе лингвистического поворота в философии: он не писал о том, что философские вопросы являются вопросами языка; не утверждал, что философские проблемы можно разрешить путем анализа используемого языка или путем создания идеального языка. Речь у Г. Фреге шла о гораздо более узкой области: о философии математики и логики. Если и возможно говорить о совершенном им повороте, то это логистический поворот, пересекшийся в определенный момент с дорогой аналитической философии. Лингвистический поворот был совершен, скорее Л. Витгенштейном, опирающимся на результаты иной фазы развития аналитической философии – фазы логического атомизма, чей «Логико-философский трактат» оказал влияние и на Кембриджскую школу анализа, и на Венский кружок.

Однако, считать, что лингвистический поворот аналитической философии являлся действительно поворотом к исследованиям языка, не значит, что это исключительная прерогатива и новация указанного философского направления. Язык практически никогда не исключался из сферы интересов философов; «практически» – потому что имеются и исключения: скажем, вряд ли можно полагать, что он занимал должное место среди тем И.Канта, например. Но есть и такие примеры, когда философ того или иного времени не просто вовлекал язык в сферу своих размышлений, но и когда результаты этих размышлений невозможно оторвать от его «общей философии», а, тем не менее, вплоть до настоящего времени эти результаты либо вообще не обсуждались, либо вызывают массу спорных оценок и комментариев, либо заставляют совершенно по-новому взглянуть и на самого философа, и на историю философии, предшествующую времени явного проявления лингвистического поворота и формирования философии языка.

К числу таких философов относится Дж. Локк, взгляды которого и находятся в фокусе внимания данной статьи. Фигура Дж. Локка – весьма показательна с нескольких точек зрения. Он принадлежит к направлению британского эмпиризма, сыгравшего немаловажную роль в процессе появления аналитической философии; он представляет философию начала нового времени, которая, порывая в явном и декларативном виде с предшествующей ей схоластикой, имплицитно весьма тесно с нею связана. Исследование философии Дж. Локка в целом, а его философии языка – в особенности, позволяет использовать тот арсенал историко-философских жанров, о которых писал Р. Рорти в знаменитой статье; мало того – такое исследование опирается и на типологию истории Ф. Ницше [3], и на те принципы подхода к истории философии, о которых писал Б. Рассел применительно к своему исследованию философии Г. Лейбница [4].

Для Дж. Локка, равно как и для многих его предшественников и современников, язык выступает в двойной ипостаси: как инструмент и как воплощение нашего мышления, предназначенного в первую очередь для того, чтобы его результаты могли быть переданы другим, а также – как то, чем можно злоупотреблять и даже исказить наши мысли. Вся третья книга его «Опыта» посвящена языку, и сам этот факт представляет собой определенную демаркационную линию в истории философии. При этом анализ языка может быть правильно понят как скорее вторая линия демаркации, поскольку первой является, несомненно, понимание природы знания и человеческого разума в терминах идей. Но примечательно, что вторая книга «Опыта», посвященная природе и классификации идей, заканчивается утверждением невозможности говорить о нашем знании, «не рассмотрев предварительно природы, употребления и значения языка» [5. С. 458]. Нельзя не согласиться с М. Лосонски [6], отметившим, что интерес Дж. Локка к языку – это непосредственное продолжение его «пути идей»; шагом на этом пути является введение Дж. Локком понятия «сигнификации слов»: «... в своем первичном или непосредственном значении слова обозначают только идеи, имеющиеся в уме того человека, который пользуется этими словами, как бы несовершенно или небрежно ни были совлечены эти идеи с вещей, которые они должны представлять» [5. С. 462].

То, как рассматривает Дж. Локк язык, что утверждает о природе и роли слов и языка в целом, является предметом периодически возобновляемых комментариев и интерпретаций. Но прежде

сформулируем одно важное положение, различие, которое недостаточно учтено комментаторами и интерпретаторами. Речь идет о понятии «сигнификации» – именно так, “*Of the Signification of Words*” называется 2-я глава III книги «Опыта». Русский перевод названия главы – «О значении слов»; что представляется нам не вполне адекватным, особенно, если принять во внимание, что у Дж. Локка сигнификация – не свойство слов, а отношение между словами и идеями, являющееся продуктом человеческой деятельности: «... слова... стали употребляться в качестве знаков идей не по какой-нибудь естественной связи, имеющейся между отдельными членораздельными звуками и определенными идеями... а по произвольному соединению, в силу которого такое-то слово произвольно было сделано знаком такой-то идеи» [5. С. 462]. Обращает на себя внимание еще одно: Дж. Локк употребляет выражение “*voluntary Imposition*”, переведенное как «произвольное соединение»; представляется, что речь идет об “*impositio*” – термине с длительной историей, начинающейся еще с «Кратила» Платона. К данным различиям вернемся позже.

Философия языка Дж. Локка есть теория отношения сигнификации между словами и идеями, где слова выступают в качестве знаков идей. Но идеи Дж. Локк тоже характеризует как некий класс знаков, включающий в себя «всё, что ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания» [5. С. 183]. В другом месте философ указывает, что «так как рассматриваемые умом вещи, за исключением его самого, не присутствуют в разуме, то ему непременно должно быть представлено что-нибудь другое в качестве знака или в качестве того, что служит представителем рассматриваемой вещи, – это и есть идеи» [7. С. 200]. Иными словами, сигнификация включает не только отношение между словами и идеями, но и между идеями и предметами, то есть не-ментальным миром.

Традиционный взгляд на теорию сигнификации Дж. Локка связан с пониманием ее как теории лингвистического значения. Аргументация в пользу такой интерпретации сводится к следующему. Теория ставит своей целью объяснение того, что именно отделяет язык от просто артикулированных звуков, и таким фактором выступает умение человека пользоваться звуками как знаками «внутренних представлений и обозначать ими идеи в своем уме» [5. С. 459]. Подтверждающие факты – выделение Дж. Локком понимания языка как средства коммуникации, возможной которую делает именно сигнификация, и теория ректификации как процесса детерминации согласования идей, имеющих у разных людей. Процесс сигнификации не может быть сведен лишь к простому индексному отношению, хотя и вполне с ним совместим.

М. Лосонски отмечает, что интерпретация сигнификации у Дж. Локка как лингвистического значения подтверждается тем, как он представляет наличие связей между понятиями сигнификации, значения и определения. Иногда Дж. Локк использует термины «сигнификация» и «значение» как синонимы, но предпочитает всё же первый термин; и именно такое его использование позволяет прояснить проявляющееся у Дж. Локка менталистское понимание значения: «употребление слов состоит в том, что они суть чувственные знаки идей, и обозначаемые ими идеи представляют собой их настоящее и непосредственное значение [*signification*]» [5. С. 462]. По мнению М. Лосонски, и в данном случае, и в целом Дж. Локк при использовании термина «сигнификация» имеет в виду прежде всего смысл (в рамках дистинкции «смысл – значение»), хотя сам М. Лосонски говорит в то же время, что Дж. Локк не проводил строго различия между смыслом и значением. Подобная интерпретация кажется не вполне правомерной. Вряд ли при интерпретации мысли философа XVII в. можно использовать дистинкции, появившиеся в философском лексиконе тремя веками позже: ведь указанная дистинкция есть порождение Г. Фреге, и ее использование применимо лишь к пост-фрегевской мысли.

Некоторые параллели всё же имеются, и на их наличие обращает внимание Н. Кретцман [8], также полагающий, что теория сигнификации Дж. Локка есть теория лингвистического значения. Н. Кретцман характеризует III книгу «Опыта» как «первый современный трактат, специально посвященный философии языка», а обсуждение в ней понятия сигнификации – как семантическую теорию. Отношение сигнификации между словами и идеями понимается им как семантическое отношение, особенно если принять во внимание локковское различие между истинными и ложными идеями, когда истинность или ложность не присуща идеям самим по себе, а устанавливается лишь при сопоставлении идей с не-ментальными объектами. Идеи являются знаками предметов мира, а слова – знаки идей; это двойственное отношение характеризуется Н. Кретцманом как отношение первичной и вторичной сигнификации, интерпретируемое как параллель дистинкции между смыслом и значением Г. Фреге. Смысл слова (имени) – идея в уме говорящего, который использует это имя, но вместе с тем

слово может использоваться и для указания на объект. Н. Кретцман использует и иную терминологию, говоря о непосредственной и опосредованной сигнификации, имея в виду, что первая есть смысл, вторая – референция (предметное значение в современных терминах). Соглашаясь в определенной степени с Н. Кретцманом, М. Лосонски называет указанный феномен «теорией двойной референции» Дж.Локка.

Понимание отношения сигнификации Локка как семантического категорически отрицается У. Оттом [9], тем более в терминах дистинкции «смысл–референция». Для него отношение сигнификации должно более адекватно пониматься в терминах индикации, в традициях, идущих от Аристотеля через логику А. Арно и П. Николя и идеи Т. Гоббса. Согласно этой традиции, слова как знаки должны пониматься как основания вывода, как посылки, как некоего сорта примеры. Действительно, у Аристотеля проблемы не-вербального знака, собственно σημεῖα, σημεῖον, или τεκμήριον [10], отделены от знака лингвистического, который именуется им σύμβολον. В «Об истолковании», как отмечается в Манетти [11], в первых абзацах два указанных термина употребляются синонимично, но при этом не взаимозаменяемо: термин σημεῖον указывает на существование звуков или букв, которые могут рассматриваться как свидетельство существования представлений в душе. В «Первой Аналитике» предлагается несколько иное определение знака с акцентом на его инструментальную роль: «Знак же означает доказывающую посылку необходимую или правдоподобную, ибо то, при наличии чего вещь существует или при появлении чего она раньше или позже появляется, и есть знак появления или существования» [10, 70а 7-9]. В контексте риторического силлогизма знаковое отношение есть отношение вывода, следования одного факта из другого: «в искусстве красноречия доказательства от признака основываются на следовании» [12, 167b 1-8]. В пользу этого говорят приводимые им примеры с наличием у женщины молока, рождением ею ребенка и бледностью; мудростью, честностью, добродетельностью и щедростью Питтака, в силлогистическом анализе которых посылки именуются знаками, признаками, или τεκμήριον.

Различия между τεκμήριον и σημεῖον имеются и проявляются также в теории силлогизмов. Наличие у женщины молока является и последствием рождения ребенка, и (при)знаком того, что женщина родила, иначе говоря, наличие молока выполняет в силлогизме роль среднего термина. В этом случае знак именуется Аристотелем τεκμήριον, или необходимым знаком. В примерах типа «если женщина бледна, то она беременна» или «Если Питтак щедр, все мудрые щедрь», то есть силлогических рассуждений по второй и третьей фигурам, знаки называются им σημεῖα; и подобные знаки не дают возможности сделать заключение с необходимостью.

У Т. Гоббса мы находим продолжение этой идеи: «знаками (*signa*) же друг друга нам служат обычно вещи, следующие друг за другом, предваряющие или последующие, поскольку мы замечаем, что в их последовательности существует известная правильность». И далее: «Так, темные тучи служат знаком предстоящего дождя, а дождь – знаком предшествовавших темных туч, и это происходит только потому, что мы редко наблюдаем темные тучи, за которыми не следовал бы дождь, и никогда не видели дождя без предшествующих туч» [13. С. 82]. (Здесь вновь придется сделать замечание к переводу. В тексте Т.Гоббса буквально написано, что знаки *are the antecedents of their consequents, and the consequents of their antecedents, as often as we observe them to go before or follow after in the same manner*). Мало того, то, что в русском переводе переведено как правильность, в английском тексте слово *regularity*, то есть регулярность буквально. Тогда весь смысл фразы меняется.)

Понимание теории сигнификации как теории лингвистического значения вызывает возражения еще и с точки зрения более подробного анализа отношений между словом, идеей и миром. Так, Е. Лоув [14] проводит различие между тремя видами отношений: семантическими, когнитивными и экспрессивными; первые – это отношение «слово – мир»; вторые являются отношениями между мышлением и миром; третий вид отношений есть отношения «мышление – слово». Экспрессивные отношения складываются в том случае, когда слова используются для выражения наших мыслей о предметах в мире и являются в широком смысле конвенциональными. Отношение сигнификации у Дж. Локка с этой точки зрения – отношение экспрессивное, а направление объяснения идет от данного отношения и отношения когнитивного к отношению семантическому, но никак не наоборот. Для Дж.Локка преобладающим интересом обладают экспрессивные и когнитивные отношения. В определенной степени точка зрения Е. Лоува совпадает с точкой зрения Н. Кретцмана и Э. Эшворт [15].

Именно Э. Эшворт обращает внимание на то, что Локк использует термин «сигнифицировать» таким же образом, как это делали поздние схоласты, используя *«significare»* вместе с родственным

«*significatio*» совсем не для указания на лингвистическое значение. Эшворт утверждает, что «в начале семнадцатого века стандартным определением «*significare*» было репрезентировать некоторый предмет или предметы или репрезентировать их некоторым образом познавательной силе» [15. С. 187]. Иными словами, речь идет не о значении, а о репрезентации, которая сигнифицирует «общую денотацию» слова: так, слово «человек» может сигнифицировать и Платона, и Цицерона и др., поскольку при использовании его говорящий намеревается дать «общую денотацию» слова. Одновременно, сигнификация связана и с ментальным концептом: скажем, с идеей у Локка, тем самым сигнификация обладает характеристиками и смысла и значения в современной терминологии.

Думаю, что Э. Эшворт сформулировала одно из самых важных положений, которое могло бы помочь адекватной интерпретации теории сигнификации и тем самым – философии языка Дж. Локка: положение о близкой связи Дж. Локка с предшествующей схоластической традицией. Удивительно, что комментаторы и интерпретаторы Дж. Локка не обращают должного внимания на одно из ключевых понятий, которое используется им всего лишь однажды, но которое способно поменять наши взгляды на его теорию. В самом конце «Опыта», говоря о разделении наук, Дж. Локк пишет: «...следующий раздел можно назвать *σημιωτική*, или «учение о знаках». И так как наиболее обычные знаки – это слова, то семиотику довольно удачно называют также *λογική* – «логика» [7. С. 200]. Ситуация меняется: речь должна идти, скорее, о семиотической интерпретации Дж. Локка; а длительная историческая традиция учений или доктрин о знаках лишь подкрепляет этот вариант.

Обратимся в первую очередь к оксфордскому периоду жизни Дж. Локка. Вероятно, одним из источников использования им термина *σημιωτική* были его медицинские занятия, результатом которых стало издание (совместно с Т. Сиднемом) двух книг по медицине: “*De arte medica*” и “*Anatomia*” и получение в 1675 г. медицинской степени. Термин *σημιωτική* в латинской и английской его версиях обнаруживается в британских медицинских трактатах XVII в. Семиотика в то время была признанной и стандартной частью медицины. В медицинском контексте она занималась видимыми знаками, в качестве которых выступали некоторые естественные указатели; на основании их доктора делали выводы относительно болезни. Вторым источником была – что более важно в данном контексте – логика. Большое влияние на понимание логики оказали работы схоластов, с которыми, как демонстрируют письма Локка, он был неплохо знаком: в частности, в переписке упоминаются работы Р. Сандерсона, Ф. Бургерсдейка, П. де Трейо и М. Смиглецкого, а также книги Ж. Комбаха и К. Шайблера. Все они были в основном авторами учебников, исключение составляет, пожалуй, лишь Мартин Смиглецкий, «Логика» которого впервые была издана в Ингольштадте в 1618 г. и трижды переиздавалась в Оксфорде – в 1634, 1638 и 1658 гг.

Одно из центральных понятий логики М. Смиглецкого [16] – *ens rationis*, которое есть нечто, что объективно существует в мышлении, в отличие от реального бытия, *ens reale*. В объяснении различия между ними М. Смиглецкий обращается к двум теория истины – корреспондентской и репрезентационной. Мышление порождает внутри себя некий концепт, посредством которого выражается образ (не обязательно визуальный) объекта; данный объект репрезентируется. Репрезентация объекта – это и не сам объект, и не концепт объекта, который фиксирует сущность данного объекта. Репрезентация объекта и есть *ens rationis*. Однако мышление порождает два вида *ens rationis*: один вообще не имеет отношения к реальным предметам (например, единорог), второй как бы основывается на реальных предметах так, как будто они требуют обязательной репрезентации мышлением. Для того, чтобы некоторые реальные предметы стали объектами мышления, они должны репрезентироваться мышлением, что возможно лишь посредством интенционального акта, соотносящего этот предмет и *ens rationis*, точнее, репрезентирующего в мышлении этот предмет через *ens rationis*. Однако *entia rationis* не являются собственным предметом логики; предметом является то, что направляется с помощью *ens rationis*.

Первое, что направляется с помощью *ens rationis*, – перцепция, из которой посредством абстракции, мышление усваивает универсальное понятие, существующее только внутри понятия. М. Смиглецкий разворачивает достаточно подробную аргументацию в пользу того, что слова первично сигнифицируют концепты, при этом в качестве аргументов используется то, что слова без концептов не имеют значения, что внутренние мысли без слов не могут быть выражены, что предметы не могут быть сигнифицированы иначе, кроме как с помощью слов. Вместе с тем М. Смиглецкий не отрицал, что слова могут сигнифицировать и предметы. Иными словами, он пытается совместить корреспондентскую и репрезентационную теорию в одну, где концепты являются инструментами, обеспечи-

вающими значение предметов через слова. Но слова сигнифицируют не естественным путем, а лишь посредством импозиции ментальных концептов; последние обладают эпистемологической первичностью по сравнению с онтологией, как четко отмечает и М. Сгарби [17].

М. Смиглицкий принадлежал к ордену иезуитов и был учеником Ф. Суареса, под сильным влиянием которого находился также автор еще одного упомянутого учебника по логике, используемого в Оксфорде, – Кристоф Шайблер; а на Ф. Суареса, в свою очередь, огромное влияние оказали работы коимбских схоластов. И у Шайблера, и у коимбских схоластиков роль знака и знаковых отношений была в центре внимания. Правда, основными были, конечно, комментарии коимбцев; под их влиянием Шайблер написал свой трактат о знаках, который был частью знаменитого коимбского компендиума. В его создании участвовали профессора философии университета Коимбры (Эммануэль же Гоес, Косме де Магаланыш, Бальтасар Альварес, и Себастиан де Коуто) в период между 1592 и 1600 гг.; он был издан в Лондоне в 1627 г. Последний том компендиума, изданный Себастианом де Коуто, включал комментарий на всю логику Аристотеля и имел подзаголовок “*De signo*”. Он, несомненно, должен был быть знаком Локку, поскольку коимбские комментарии были среди трудов, рекомендованных в Эммануэль-колледже Кембриджа знаменитым списком Ричарда Холдсвортса. Трактат был рекомендован к использованию также и Тимоти Халтоном – главой Королевского колледжа в Оксфорде в 1652 г. – году, в котором юный Дж. Локк вступил в Колледж Христовой церкви. Одним из самых главных в коимбском курсе было положение, согласно которому «нет ничего такого, что приводило бы к осознанию чего-либо другого, и не могло быть сведено к некоторому виду знака», сам же знак определяется как то, что представляет познавательной способности что-либо [иное]; в роли знака может выступать как нечто чувственно воспринимаемое, так и умопостигаемое.

Если именно так, семиотически, интерпретировать положения философии языка Дж. Локка, то это может быть зафиксировано в нескольких важнейших моментах (здесь довольно кратко, поскольку подробная версия требует отдельного исследования). Идея понимается как знак предмета; слово – как знак идеи; иными словами, Дж. Локк вводит два уровня знаков, точнее – уровень знаков и уровень метазнаков. В таком понимании знака Дж. Локк имплицитно придерживается диадической модели знака, первым примером которой была трактовка знаков у Августина, Подобная модель знака как диады характерна не только для Дж. Локка, но и для, например, схоластов XIII в., логики Пор-Рояля, Т. Гоббса, Дежерандо, Ф. де Соссюра вплоть до Р. Якобсона и Н. Гудмена. Указанной модели «противостояло» понимание знака как триады, ведущее свое начало от стоиков, свойственное философам нового времени (Ф. Бэкон и Г. Лейбниц), ярко выраженное в семиотике Ч. Пирса, Ч. Морриса и известном «треугольнике» Огдена и Ричардса. Однако тот факт, что Дж. Локк разделял слова и идеи, которые они замещают, на два отдельных класса знаков, вел к семиотической апории, связанной с тем, что слова сами представляют собой идеи и, следовательно, сигнификация слов представляет собой обособленный случай связи идей. Мало того, апория обострялась тем, что Дж. Локк допускал и такие случаи, когда слова сигнифицировали не идеи, а предметы. Это заставляет задуматься над вопросом, был ли Дж. Локк «семантическим идеалистом» в той непреложной степени, как иногда считается. Требуется дополнительное исследование вопрос о приемлемости в теории сигнификации Дж. Локка традиционного разделения знаков на естественные и искусственные, с одной стороны; и формальные и инструментальные, с другой. Можно считать, что иногда Дж. Локк понимает слова как формальные знаки, то есть как нечто, посредством чего функционирует мышление. Особыми моментами представляются связь между абстрактными идеями и общими словами, а также механизм образования сложных идей из простых и роли в этом процессе слов как формальных знаков.

В истории философии нами зафиксировано наличие целой традиции трактатов о знаках, существующей и до Локка, и после него. Если двигаться по линии исторической хронологии в обратном направлении, то следует назвать трактат о знаках Д. Пуансо (Иоанна св. Фомы), трактат о знаках Роджера Бэкона, который изначально был второй главой третьей части его “*Opus maius*” и в котором обсуждается природа знака и дается весьма интересная классификация знаков; и обсуждается проблема “*impositio*”, о которой сказано выше. Несомненно, к исследованиям знаковых отношений могут быть отнесены ряд работ Августина, в первую очередь, “*De dialectica*” [18; 19], а также “*De Magistro*” и “*De Doctrina Christiana*”. Если сделать еще шаг назад, то наталкиваемся на целый перечень подобных трактатов, авторами которых были Псевдо-Гален и Филон, Зенон, Феофраст и Филодем [20]. В новое время, то есть уже после «Опыта» Локка, традиция не была прервана: в подтвер-

ждение можно назвать работы с таким же названием, принадлежащие перу Альфонсо Костадо и Христиана Вольфа, не говоря уже об обсуждении знаков в трудах Руссо и Кондильяка.

Философия языка Локка представляет собой действительный лингвистический поворот в философии, совершенный гораздо раньше аналитической философии. Понимание и акцент на роли слов как механизма связывания идей, подчеркивает активную конституирующую роль языка: язык не только репрезентирует мысль, но и формирует ее. Эта идея в различных вариациях, признающих или непризнающих ее «локковские» корни, неоднократно встречается в последующем развитии гуманитарного знания. Имеющиеся комментарии и интерпретации сделанного Локком в этой области, зачастую спорящие друг с другом, упускают из виду его указание на доктрину о знаках. С этой точки зрения философия языка Локка представляет определенный этап в развитии семиотики как философского учения. Вместе с тем, семиотические обсуждения Дж. Локка демонстрируют неадекватность встречающегося еще иногда тезиса о наличии «провала» между нововременной мыслью и предшествующей ей философской традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bergmann G. *Logic and Reality*. Madison, The University of Wisconsin Pr., 1964. P. 355.
2. Rorty R.M., ed. *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Methods with Two Retrospective Essays*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 416.
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 829 с. С. 158-230.
4. Russell B. *The Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz*. L., N.Y., Routledge Publ. Co., 1996. P. 383.
5. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения в трех томах: Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
6. Losonsky M. *Linguistic Turn in Modern Philosophy*. Cambridge, Cambridge Un. Pr., 2006. P. 294.
7. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга IV // Сочинения: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1985. 506 с.
8. Kretzmann N. *The Main Thesis of Locke's Semantic Theory* // *Philosophical Review*. 1968. No. 77. Pp. 175-196.
9. Ott W. *Locke's Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 159.
10. Аристотель. Первая Аналитика // Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
11. Manetti J. *Signs of Antiquity/Antiquity of Signs* // *Versus*, special number, 1988, 50/51.
12. Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
13. Гоббс Т. Основ философии. Часть первая. О теле // Сочинения в двух томах. Т. 1. М., Мысль, 1989. 622 с.
14. Lowe E. J. *Language and Meaning* // Stuart M. (ed.) *A Companion to Locke*. L., Blackwell Publ., 2016. P. 279-295.
15. Ashworth E.J. *Locke on Language* // Chappell V. (ed.) *Locke*. Oxford, Oxford Un.Pr., 1998. P. 174-198.
16. Darowsk R. *Marcina Śmigleckiego SJ ęrenkopiśmenne wykłady z logiki* // *Studia Philosophiae Christianae*. 1984. 20/1. S. 31-51.
17. Sgarb M. *The Aristotelian Tradition and the Rise of British Empirism. Logic and Epistemology in British Isles (1570–1689)*. N.Y., Springer, 2013. 259 p.
18. Августин. О диалектике. Пер. с лат. Л.И.Рагозин, К.Д.Скрипник // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2016. Т. 17, вып. 3. С. 68-84.
19. Рагозин Л.И., Скрипник К.Д. Трактат Августина о диалектике (заметки к переводу) // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2016. Т. 17, вып. 3. С. 62-67.
20. Скрипник К.Д. Семиотические идеи в истории античной философии // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2016. № 3. С. 82-90.

Поступила в редакцию 20.04.17

K.D. Skripnik

THE LINGUISTIC TURN AND LOCKE'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE: INTERPRETATIONS, COMMENTARIES, THEORETICAL SOURCES

Although the notion of “linguistic turn” is connected with the analytical tradition, Locke's view on the nature of language, its role and functions can be estimated as a linguistic turn as well. His philosophy of language being the topic of *An Essay concerning Human Understanding* was the main focus of different authors, which sometimes contradict each other. Several interpretations of Locke's philosophy of language are considered under the condition that his philosophy of language is a theory of signification. The traditional view on Locke's theory of signification is its interpretation as a theory of linguistic meaning. This view is not exclusive and dominant. The author believes the more adequate and basic approach to the notion of signification is a semiotic one. The semiotic approach is based on a close relationship of Locke's theory of signification with the previous semiotic tradition from Antiquity to Second Scholasticism, and due to the fact that Locke suggested that *σημιωτική* is the third “great province of the intellectual world”. Locke's semiotic

considerations are an evidence of continuous history of philosophy and absence of any “gaps” between the modern philosophy and the previous philosophical tradition.

Keywords: J. Locke, semiotics, philosophy of language, theory of signification, history of semiotic ideas.

Скрипник Константин Дмитриевич,
доктор философских наук, профессор
кафедры истории философии
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б.Садовая, 105/42
E-mail: kdskrionik@sfedu.ru

Skripnik K.D.,
Doctor of Philosophy, Professor
Southern Federal University
B. Sadovaya st., 105/42, Rostov-on-Don, Russia, 344006
E-mail: kdskrionik@sfedu.ru